

**Иван Ильин как наше «всегда»
(к 150-летию И. А. Ильина)**

С. В. Иванова

Почему Ильин? Действительно, резонный вопрос. Ведь Ильин был переиздан и упомянут в новой России никак не меньше, чем другие русские философы. Конечно, юбилей — это важно, но главное — в другом.

В чем истинная причина такого внимания к этой фигуре в современном российском обществе? Не рассуждая долго о научной ценности ильинского философского наследия, о долго закрытой для нас философско-религиозной стороне его мировоззрения, скажем только: Ильин ясен. Все предыдущее — до этих двух слов — в сказанной фразе касается как Ильина, так и Бердяева и Соловьева, но по особой ясности создается впечатление, что Ильин более других понятен нам сегодняшним, например своим представлением о Родине. Нами легко считывается отношение Ильина к России, его *восприятие* сначала эмоциональное — душой, затем высокое — духом, любовью, а затем — *осмысление*. И что бы потом ни сказал Ильин, все уже овеяно этим национальным общим чувством автора и читателя и потому — принято даже непринимаемое.

Нам, сегодняшним, не только понятно — этого мало, нам *недоставало* этого мощного признания любви к Родине в сложные исторические периоды существования, выживания России... С нами всегда есть поэтическое — пушкинское, лермонтовское... И нам «с молодых ногтей» известна, нами узнаваема эта поэтическая экзальтация, усвоенная на школьных уроках литературы, где благодаря нашим великим поэтам и писателям как-то не стыдно было говорить высокими словами... Но мы отделяли себя от этих слов в обыденной жизни. Это трагедия поколений, выросших в 60–80-е годы двадцатого столетия. Ложь заполонила жизнь, подменила ее, и гордиться страной вслух считалось нескромным, это ощущалось уподоблением внешней трескучей лжи.

Иван Ильин как наше «всегда» (к 150-летию И. А. Ильина)

В 90-е стало ясно, что мы на грани потери России, и не только по экономическим причинам — по духовным: граждане великой страны учились не любить Россию, стыдиться ее, казуистически Запад равнял бездарных и алчных правителей с великой страной.

К счастью, Россия всегда рождала личностей, которые спасали ее в смутные времена. Самоспасения у государств нет, самобытность теряли и великие народы, истории известны такие примеры.

Удивит ли кого-нибудь, что Путин, стремящийся поднять Россию с колен, читал Ильина? По крайней мере он Ильина не цитировал. Иначе, думается, и быть не могло.

Ильин востребован современностью в период становления новой России.

Он реально (или — ирреально!) современен. «...человечество в наши дни действительно переживает *смутное время*. В результате долгого предшествующего процесса, истоки и развитие которого далеко еще не опознаны, — души людей замутились, и всюду воцарилась, по слову русских летописей, “шатость в умах”. Человечество в своей массе, т. е. в большинстве составляющих его индивидуальных душ, *оторвалось от духовной почвы* и потеряло органическую живую связь с самым *корнем духовной жизни*. Современный человек не испытывает *главных, священных предметов*, не любит их, не внимает их зовам, не питается ими и не строит ими своего мирозерцания, своего характера, своего жизненного делания. Может быть, он не видит их потому, что не любит их; но может быть и обратно — он не любит их потому, что разучился испытывать и видеть. Во всяком случае он часто настолько не видит их и не любит их, что совсем перестает верить в то, что они *вообще имеются и обстоят...* Современный человек совсем не живет *духовными необходимостями*, но вращается в пестрых, условных и относительных, не связывающих возможностях» [1, с. 93, курсив Ильина]. Эта характеристика современного Ильину человека полностью совпадает, на наш взгляд, с характеристикой человека наших дней. О чем это говорит? Либо в исторических рамках 50–100 лет — небольшой срок, и поэтому характеристика верна с учетом краткосрочности исторического «мига», либо — вернее, думается, второе — в словах Ильина характеристика момента и ощущение веры в дальнейшее улучшение человеческой «породы». Увы! — не случилось пока.

Иван Ильин как наше «всегда» (к 150-летию И. А. Ильина)

В связи со сказанным хочется обратиться к одной из важных работ — «Религиозный смысл философии».

Разнообразие тем и единый стержень, нравственный — в роли единственно верного мерил духовности, привлекает внимание самого широкого круга читателей. Это делается не через озадаченность поиском «своего» читателя, как это подчас бывает, это выносится на суд думающих людей силой ильинского таланта.

Взять обращение к душе как предмету философии. Кажется бы, уже нет возможности сказать что-то новое — нам прошедшие века развития философской мысли вроде бы таковой не оставили... Так нет же, есть у Ильина довольно новый поворот, причем вызванный не злободневностью темы (хотя и это присутствует), а глубоким пониманием теории вопроса, сочетающимся с практикой реальной жизни. Иначе откуда это упоминание о «практической опасности и угрозах» при исследовании души, о практической вреде ошибок гуманитарных наук? Так просто и так жестко выражена высокая нравственная планка ученого-гуманитария: «Уже в гуманитарных науках требования теоретической совести, во всей их чистоте и силе, могут оказаться в душе исследователя *единственной* гарантией научного уровня. Не подлежит никакому сомнению, что требования теоретической совести и вытекающее из них чувство ответственности должны лежать в основании всякого научного творчества как такового; это определяется самим основным заданием, самую единую и единственную целью научной деятельности: *познать истинное*, т. е. уловить опытом и мыслью подлинное предметное обстоятельство. Ученый, который не имеет в виду этого задания, ученый, который работает не ради этого достижения, — есть своего рода трагический курьез или явление нравственного уродства... ..Изыять из жизни человечества: живое Добро, которое священнослужитель раскрывает в форме религиозной очевидности; художественную красоту, осуществленную и осуществляемую в чувственно-реальных образах; и истину, открываемую в опыте научной очевидности, — значило бы превратить ее в сумятицу инстинктивных влечений и в судорожную, озлобленную борьбу за их удовлетворение» [1, с. 53].

Как насыщенные и остро востребованные прочитываются сегодня нами слова об ученом-философе, чье предназначение — разрешать вопросы истины, добра и красоты: «...философ, единственный из ученых, берет на себя разрешение вопроса о том, *что́ есть*

истина; подобно священнослужителю, он стоит постоянно перед лицом *добра*, испытывая его природу и раскрывая другим испытанное; подобно художнику, он имеет дело с самою *красотой*, исследуя ее сущность и обнаруживая пути к ее осуществлению, узрению и уразумению» [1, с. 54].

И далее Ильин продолжает мысль о философской деятельности применительно к различению души и духа, духовной и душевной работы: «Философствование, как всякая познавательная практика, есть не внешнее умение или делание, но внутреннее; это есть *творческая жизнь души*. Однако это не есть просто душевное, но *душевно-духовное* делание. Душа не то же самое, что дух... Душа — это весь поток нетелесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений... Дух — это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством — в умозрении, молитве, таинстве; словом, на то, что человек признает *высшим и безусловным благом*. Этим различие между “душой” и “духом”, конечно, не исчерпывается; но в пределах человеческого опыта оно начинается именно здесь» [1, с. 55].

Какую высокую планку задают слова Ильина! Однако не это удивляет, ведь эта планка и сейчас задается и нам, и нами, песня о том, какими нравственными надо быть и какими безнравственными все стали, поется не в одиночку, а уже мощным хором. Можем ли мы говорить о другом, о том, что хоть что-то изменилось и человек стал лучше? Опять — увы... «Стать участником в духовном делании — значит, прежде всего, создать в своей душе необходимый уровень внутренней жизни, отсутствие которого делает неизбежным совлечение и пошлость. Тот, кто создал в себе этот уровень, испытывает нечто, как *самое лучшее и высшее*, и поставляет его над всем остальным; но он испытывает и сознает это лучшее не как лучшее только *для него*, не как субъективно наиболее приемлемое, приятное, но как *объективно-ценнейшее*, как объективно-главное; как главное не только для всех людей, но безотносительно, как главное и совершенное *само по себе и на самом деле...*» [1, с. 55–56]. Эти слова Ильина могут быть для философов тем же, что клятва Гиппократата для медиков.

Иван Ильин как наше «всегда» (к 150-летию И. А. Ильина)

Это не риторика, это уже необходимость в современных условиях глобального измельчания духовной жизни, отрицания самодостаточности глубинного научного поиска в угоду сиюминутному обсуждению социальных проблем в целях заявления о них, но не разрешения. Ведь именно таким образом во всем мире политика использует науку.

Ильину удалось самым простым образом объяснить различие между духом и душой, «начала различий», как он подчеркивает. Но это же и суть различия между философией и другими науками, особость философской мысли и трудность следования ученым своему научному предназначению. Трудность эта Ильиным подчеркивается и стилистически, самим строем (ритмом) предложений, и лексически. О действии ради Созидания, о великой духовной и душевной работе говорит лексический строй ильинского языка. Вслушаемся и вчитаемся: «берет на себя», «создать в своей душе», «испытает», «возвышается душою», «поставляет над всем остальным», «приемлет и верует», «любитя сердцем», «бескорыстно радуется», «совершенство», «дерзание», «делание», «созерцание», «помышление», «познание», «умозрение», «уразумение», «вглядывание», «испытывание»...

Понимая некую идеальность позиции Ильина по поводу отсутствия субъектных искажений, принимаешь другое — его призыв к творческой порядочности и глубине, использованию всех путей для проверки истинности убеждения. Нельзя заниматься наукой, не имея цели понять, в чем проблема знания-незнания, утверждая как аксиому то, во что нельзя верить. «Философствование обязывает... философия есть *знание*; а всякое знание дает духовные права и возлагает духовные обязанности. У того, кто знает, знание и вера не расходятся и не стоят в противоречии: то, что он знает, достоверно той единой достоверностью и очевидно той единой очевидностью, которая силою объективности своей создает *верующее знание и знающую веру*. Верить и веровать можно лишь в то, что верно, что *в самом деле* так. Нельзя верить во что-нибудь, зная, что на самом деле “это иначе”: такой человек был бы невменяем. Но нельзя и знать что-нибудь, веря, что *на самом деле* “это иначе”: такой человек был бы лишен и веры, и знания... Верить — значит гореть признанием истины; но как же может тогда человек, признавший истину, не иметь объективно обоснованного знания? Знание может быть еще не раскрытым, вера может временно пребывать в состоянии бессозна-

тельного аффективного опыта; но *по существу* — они одно. Ибо гипотеза и предположение не есть еще знание; а воздыхание и мечта, ожидание и вожделение, чаяние и упование не есть еще вера. Вот почему знание есть дар и богатство» [1, с. 61].

Проблема сегодняшнего дня по сути та же — принятие знания не как «дара и богатства», а как средства, то есть оценка науки с сугубо утилитарной точки зрения. Именно поэтому в наши дни так нередки в буквальном смысле нападки на гуманитарные науки, их полезность далеко не всегда может быть просчитана. В гуманитарной сфере практически не имеется счетных показателей, но общеизвестно, как сильно гуманитарная составляющая влияет на всю жизнь гражданина и целой страны, а подчас — и определяет эту жизнь, особенно в переломные моменты. Как здесь не вспомнить размышления Ильина о духе и душе, о значении и роли гуманитарного знания.

Актуальным остается поднятый Ильиным вопрос — об «опасностях», подстерегающих тех, кто занимается философской наукой. «Первая опасность в том, что философствование может потерять свою единственную верховную цель и превратиться в не самодовлеющее, не самоценное, не самозаконное делание, т. е. начать служить посторонним и чуждым ему целям... Философское знание должно быть свободно не только от посторонних мотивов, но и от всяких непредметных явлений, основываясь на *самостоятельно* добытом опыте и лично испытанной очевидности... Вторая опасность в том, что суровая, очищающая личную душу борьба за объективно-верное испытание и за действительное усмотрение предмета — может замениться или скорым легким нахождением субъективных впечатлений, или же нагромождением хаотических созданий личной бессознательной сферы... В первом случае происходит подмена философского опыта личными впечатлениями, догадками или мнениями; и философия вырождается в праздные разговоры, в претенциозные, хотя, с виду, и ни к чему не обязывающие сообщения, которые, может быть, и не лишены автобиографического интереса, но свободны от философского значения...

Во втором случае предметный опыт заменяется нагромождением хаотических созданий личной бессознательной сферы, и философствование вступает на путь своеобразного вдохновения. Двигаясь по этому пути, люди становятся профессионалами “тайноведами” и разделяются на две большие группы: одни

Иван Ильин как наше «всегда» (к 150-летию И. А. Ильина)

технически владеют приемами своего “тайноведения” и искусно прививают их своим неприхотливым, простодушным, наивно-доверчивым ученикам; другие сами оказываются во власти своих мнимых откровений и растерянно несутся в их неуравновешенном течении» [1, с. 62–64].

Если внимательно вчитаться в эти строки, то очевидно, что и сам Ильин, того не ведая, не избежал только представлений своего видения, анализа своего опыта. Можно заметить, что текст об антропософах (вторая опасность) содержит некоторые признаки из пунктов о третьей опасности для философии — о формальном. Это лишнее подтверждение правоты в предвидении опасностей гуманитарного знания, в частности философии.

Мы видим, что красота построений Ильина не только в обращении к истине, не только в том, что они образец философского мышления, а еще и в том, что при всей высказанности четких позиций, например относительно предмета философии и роли опыта при его осмыслении, Ильин полемичен... Он будит мысль и рождает научные поводы для новых дискуссий... Поэтому предлагаем коллегам, читателям журнала продолжить разговор об Ильине — дать свое прочтение или открыть полемику, при этом соблюдая правило Ильина: «забвение о себе» и сосредоточенное погружение в непосредственное переживание предмета.

Литература

1. *Ильин И. А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2007.